

Анастасия Краун

Экзопулулус

ВЗДЫМАЕТ
ВОЛНЫ

Анастасия Краун
Экзопулус вздымает волны

«Алгоритм»

2019

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Краун А.

Экзопулус вздымает волны / А. Краун — «Алгоритм», 2019

ISBN 978-5-907120-32-7

Что будет, если собрать вместе незадачливого бизнес-афериста, аутиста с гениальными способностями, строгого майора предпенсионного возраста, цепкого на детали корреспондента и скандального модного художника, найти подход к которому может далеко не каждый? Получится остроумная история, действие которой происходит в галерее современного искусства «Артекториум». Главный экспонат ближайшей выставки – на шумевшая картина «Экзопулус», к которой приковано всеобщее внимание, хотя и не все могут объяснить, что же на ней нарисовано. Но когда же все настолько пошло не по плану? Ироничная современная комедия положений и тонкий юмор вместе с уникальным стилем и необычными героями открывают серию удивительных приключений Макса и Фени.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-907120-32-7

© Краун А., 2019
© Алгоритм, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Краун

Экзопулус вздымает волны

Глава 1

Неуместные ситуации случаются. Даже вечером в пятницу. Если описать ее кратко, Макс и Феня сидели в отделении полиции после того, как подвыпивший охранник нашел их на складе кормов для ежей. На часах было уже полдевятого вечера, неудавшиеся исследователи кормопроизводства устало сидели на стареньких стульях, а напротив них, за тяжелым столом советского времени, сидел сержант Потапов. Василий Петрович сдерживался из последних сил, стараясь не думать о горячем сытном ужине, который дожидался его дома, и пытался сконцентрироваться на допросе, которому он был, мягко говоря, не рад. Но иногда бывают разговоры, которые не задаются с самого начала. Это был именно такой случай.

Потапов, в который раз бросив грустный взгляд на часы, сжал руку в кулак и медленно произнес:

– Последний раз спрашиваю, что вы двое там делали?

– Говорю же, мы немного заблудились... – немного устало пробормотал Макс.

– В три часа ночи, на полузаброшенных складах, в полях... да там собаки даже не бегают!

– Вот видите, как заблудились, очень-очень сильно... Вечер, закат, красивый пейзаж.

Гуляем с Феней, гуляем, беседуем о прекрасном, философствуем... А тут склад... одинокий фонарь... гостеприимно распахнутые двери... И вдруг посетила нас одна увлекательная мысль: почему бы не зайти? Сугубо ради интереса... И мы зашли, а там много-много коробок с кормами. А корма там для ежей, представляете? Такая редкость... И вообще, зачем мы об этом говорим? Столько прекрасного в мире... Люди, планеты, моря, океаны, птицы, рыбы, хомячки. Великолепные темы для дискуссии, а вы про это не хотите говорить почему-то... – задумчиво протянул Макс. – А ведь она должна жить в сердце каждого человека, разве у вас она не живет?

– Кто?

– Любовь к природе.

– Да сколько можно бреда этого! – Потапов стукнул кулаком по столу. – Все, сейчас отправитесь куда надо, сразу заговорите оба!

– Я бы не отказался скататься на Мальту, – Макс мизинцем почесал кончик брови, – хотя в Барселону тоже ничего.

– Чего?

– Если отправляться куда надо, то мне надо именно туда. И ему, – Макс указал пальцем на своего неразговорчивого друга, – он тоже согласен.

Феня медленно кивнул, и Макс решил добавить:

– А вы куда бы хотели поехать, Василий Петрович?

Василий Петрович обхватил голову руками, из последних сил пытаясь сдержаться и не запустить в надоедливую физиономию, сидящую супротив, чем-нибудь тяжелым – эта мысль настойчиво не покидала его последние полтора часа.

– Это же предел, предел... – Потапов раздраженно потер покрасневший нос и попытался, по совету жены, представить что-нибудь приятное и успокаивающее, однако в мечтах ничего, кроме тарелки горячего борща, не появлялось. Потапова охватило отчаяние. «Пора прекращать», – решил Василий Петрович, после чего, резко откинувшись в кресле и кое-как собравшись с мыслями, заявил:

– Так, всё: незаконный взлом и проникновение на частную собственность, подозрение в совершении кражи, неуважительное отношение к правоохранительным органам... Протокол о задержании на сорок восемь часов, – и удовлетворенно добавил: – И это только начало.

– Слушайте, – Макс немного наклонился вперед, – нам же всем здесь не особо нравится, давайте мы просто разойдемся мирно.

– Указывать мне решил? – взвился Потапов.

– Нет, что вы, я просто оптимизирую ситуацию. Признайтесь самому себе – вы же хотите домой, не так ли? А на этом складе ничего интересного нет, кроме мучного хрущака, который особо никому не нужен. И разве это интересная и увлекательная тема для джентльменов в такой приятный летний вечер? Тем более, я в этом не эксперт. Да и вы, наверное, тоже, позволю себе предположить.

– Что?!

– Не стоит нервничать, Василий Петрович, мы же вас очень понимаем – трудный день, работа сложная, нервная, накопилось к концу недели, с кем не бывает. Пятница, поздно, обидно, что все уже дома, довольные, с бутылкой пива на диване разлеглись... а вы тут с нами возитесь... и вы устали, хотите есть, спать, ну и все остальное, – Макс не смог сдержать проскользнувшую улыбку, заметив немного смягчившийся и посоловевший взгляд Потапова. – Вы же еле сдерживаетесь, ну а мы бы не хотели попасть под горячую руку. Надо признать, так бывает иногда. Накопится, не сдержится и...

– Клапан может сорвать, – медленно проговорил до сих пор молчавший Феня, – у меня так у бати на даче один раз клапан сорвало в канализации, так все залило, не знали, как расчистить потом все...

И у Потапова сорвало. За свои последние шестнадцать лет работы он не помнил, когда поток гнева был настолько необузданным. Потапов просто не мог остановиться, из глубин памяти всплывали новые и новые ругательства, старые обиды, невысказанные слова. Василий Петрович перешел на крик и не мог остановиться.

– Что здесь происходит, я не понял? – раздался хриплый бас за спиной. – Сержант Потапов! Сержант Потапов, прекратить немедленно, я сказал!

Безумный вопль оборвался на полупhrазе, и Потапов медленно начал приподниматься за столом, еле выдавив из себя:

– Товарищ майор! Панфил Панфилович!

– Еще раз спрашиваю, что здесь за балаган?

– Я... я... это они все, – выдохнул Василий Петрович, – довели, товарищ майор, каюсь, довели... я сейчас протокол задержания составлю, минуту и все... я прямо сейчас закончу...

– Достаточно, Потапов, – майор осмотрел всех строгим взглядом, прищурился пронизывающе-серые глаза, – документы все мне на стол, иди домой, я сам с ними разберусь. И с тобой тоже в понедельник.

– Слушаюсь, товарищ майор, спасибо вам...

– Что – спасибо?

– Великое спасибо, человеческое...

– Потапов, хватит бред нести, вон отсюда! – нахмурился Панфил Панфилович. – А вы – за мной оба.

– Конечно, без проблем! – Макс попытался изобразить бодрую улыбку и направился за массивной высокой фигурой. Тяжелые шаги издавали гулкое эхо в опустевшем полицейском отделении, стены давили холодной строгостью, вдали потрескивала мигающая лампочка, и от этого становилось еще больше не по себе. «Как декорации к дешевому триллеру, что за...» – дернулся Макс, к этому моменту уже довольно сильно жалеющий, что пухлый, уютный, краснотлицый Потапов заменился изголодавшимся оборотнем, уже начинающим свою трансформацию к грядущему полнолунию.

«Изголодавшийся оборотень» тем временем не спеша зашел в свой кабинет и грузно уселся за массивный стол, покрытый коричневым лаком. Вид его подсознательно внушал опасение – несмотря на достаточно правильные черты лица, в нем было что-то колющее и ядовитое. Глаза пепельно-стального оттенка, смотрящие вперед и почти не мигающие, аккуратно подстриженные темные волосы, из которых не выбивалось ни одного волоска, и плотно сжатые тонкие белесые губы. Майор без особого интереса оглядел обоих посетителей и резко бросил:

– Сели оба! – Приказной голос и строгость образа, может быть, и внушали уважение, но вот надежды на быстрое и легкое разрешение ситуации, да и позитива в целом, – ничуть. Макс, снова попытавшийся изобразить на лице беззаботное выражение, схватил за рукав своего мнущегося за дверью друга и с усилием впихнул его в комнату со словами «Ничего не говори, иначе мы отсюда не выйдем». Фраза, хоть и была произнесена еле слышно, казалось, отразилась от стен и отлетела напрямик к майору. По крайней мере он стал еще более хмурым, чем был.

– Проблемы? – после элегантно выдержанной паузы спросил майор.

– Никаких! – выпалил Макс. – Никаких.

– Хорошо, – майор удовлетворенно откинулся в кресле, – начнем. Я – начальник отдела МВД, майор полиции Грозов Панфил Панфилович. Ко мне обращаться – майор Грозов. Вам ясно?

– Конечно, все ясно – кивнул Макс.

– Грозов – как Угрозов почти, – сообщил Феня.

– Что?

– Ничего, майор, ничего, – Макс замахал руками, – не слушайте его.

– Почему «не слушайте»? – обиделся Феня. – Я по телеку видел: мужик маньяк был, у него фамилия Угрозов была, так он всем угрожал. Ну а майор же не маньяк, раз в полиции работает, просто фамилии похожие, правильно?

– Ой-ё... – обреченный жалобный вой вырвался у Макса сам собой. Длинные нервные пальцы неосознанно соскользнули вверх, закрыв похолодевшие щеки, а затем крепко вцепились в светлые растрепанные волосы.

Панфил Панфилович внимательно посмотрел на Феню.

– Он со справкой, что ли?

– Нет, нет, ничуть! Он чуть... Господи! В смысле я хочу сказать – он чуть-чуть только несоциальный, да это и незаметно почти... он же не так часто говорит, значит, и проблема небольшая. Могло же быть хуже, а так все в порядке... почти... он как милый пришелец с далекой планеты...

– Вы оба со справкой?

– Нет, что вы! – Макс наклонился вперед. – Майор, вы, наверное, все неправильно поняли. Хорошо, признаемся друг другу, что в нашем разговоре что-то пошло не так... ну и ладно. Как будто ничего и не было. Давайте, как цивилизованные люди, начнем все сначала...

Воспользовавшись удобным моментом, пока Панфил Панфилович осознавал сказанное, Макс расправил плечи, сделал глубокий вдох и чистым тембром, четко выговаривая фразы на манер идеально вышколенного менеджера по продажам гаджетов, выпалил:

– Здравия желаю, товарищ майор! Очень приятно познакомиться. Нас задержали по ошибке...

– Хавальник захлопни.

– Захлопнуть... – Макс вжался в кресло.

– Понты колотить решил? Будет тебе время для веселья, когда на нары загремишь. А я поспособствую, – последние слова Панфил Панфилович выговорил особо тщательно и четко, отчего Макс, пребывая в небольшом шоке от внезапно сменившейся манеры речи майора, с готовностью кивнул.

Майор тем временем с серьезным видом снова углубился в разложенные у него на столе бумаги. ФИО... Максимилиан Дементьевич Аполло, двадцать семь лет, и Парфений Федорович Ключкин, тридцать один год... Майор чертыхнулся. Оба в текущий момент не работают... к уголовной ответственности ранее не привлекались... незаконное проникновение на склад... Майор бегло просмотрел протокол и перевел взгляд на запоздалых посетителей:

– Что вы делали на складе?

– Гуляли и забрели...

Панфил Панфилович тяжело вздохнул и, усевшись поудобней, добавил:

– Может быть, ты пока не усек, но я тебе не Потапов, его тупой школьник обуть может.

А я тебя вижу насквозь, ты далеко не простачок, как бы ты им ни прикидывался. Так что даже не пытайся. Это может тебе очень накладно обойтись. Молчишь? Что ж... тогда я буду говорить. Как-то раз, вечером, вы сидели, беседовали, работы нет, бабки на пределе. И вот приходит вам в голову идея: а почему бы в кормах наркоту не зашить... Дурью-то барыжить дело прибыльное...

– Нет, это неправда!

– Да что ты! План думали, составляли, товар подыскали годный, а то и сами замутили. Только не получилось, охранник заметил. А жаль, не так ли? Хорошая была идея. – Панфил Панфилович задумчиво пододвинул к себе стоящий около края стола бокал из толстого стекла и налил в него темно-бронзовый коньяк из небольшой бутылочки. – На днях дело похожее закрыл. Умники-ботаники со второго курса в собачий корм грамм двадцать мела¹ закопали, ну и травку заодно... куда же без нее... Надеялись, что собаки не найдут, только фокус не получился. Сидят теперь, втроем, суда ждут, а глазки напуганные, слезливые... только вот мамочка не поможет уже...

– Мы не занимаемся наркотиками! – Макс вскочил с кресла. – Да вы и не докажете, у нас ничего нет!

– А вот я думаю, мои сотрудники найдут, если постараются. А они у меня очень старательные ребята, отвечаю. Всегда находят. Любо-дорого смотреть.

– Это же подлог!

– Нет, что ты. Просто результат хорошей работы. – С этими словами майор неспешно пригубил из тяжелого массивного бокала и добавил: – Прекрасный напиток.

Макс медленно опустился в кресло и после секундного раздумья заявил:

– В такой работе гордиться нечем, значит, хорошей она быть не может по определению.

– Умничать решил?

– Считайте, как хотите.

Препирания длились еще несколько минут, но для Панфила Панфиловича оказались безрезультатными, так как упорство было одним из тех качеств Макса, которое чаще всего мешало, но в критических ситуациях иногда оказывалось довольно полезным.

С каждым моментом взгляд майора становился еще более суровым. Панфил Панфилович нажал несколько клавиш и обстоятельно просмотрел информацию, высветившуюся на большом плоском мониторе. В комнате опять повисла раздражающая тишина, тягучая и бессмысленная. В этот момент Макс больше всего хотелось, чтобы внезапно во всех комнатах включился яркий свет, заиграла музыка, зашли десятки людей и объявили о том, что это все был розыгрыш, на который Макс и Феня наивно попались.

– Мне как раз такой и нужен... – тяжелый голос, не без удовольствия смакующий слова, вывел Макса из состояния забытья. – Прыткий, упертый, без обязательств и на крючке.

– На... каком крючке? – настороженно спросил Макс.

– А то ты не понял. Что вас в позапрошлом году отпустили, заболтал всех, да? А камешки-то до сих пор не нашлись. Хитро придумали.

– Это не мы! – Макс попытался протестовать. – Мы были на той выставке, рядом, но мы ничего не брали!

– Посмотрим, если дело начать заново, что получится, – медленно проговорил майор. – Да и еще когда у вас дурь найдут, вот повеселятся все.

Макс внутренне напрягся, так как этот случай на выставке ювелирных изделий, на которой они с Феней подрабатывали разносчиками коктейлей и каким-то образом остались единственными подозреваемыми, еще не стерся из памяти. Как не стерлись из памяти и многочасовые, почти непрерывные допросы, которые вел худощавый следователь с ужасно раздражающим резким тембром голоса, в котором при крике периодически проявлялся отзвук детской резиновой игрушки-пищалки; тогда Макс уже не знал, чего большего желает – отвязаться от ложных обвинений или не слышать этих ужасных звуков.

– Ты мне кое-что сделаешь, – продолжил Панфил Панфилович, – тогда и дела на тебя не будет. А может, заодно и монетку поймаешь. А монетка бы тебе не помешала, не так ли? Я не особо щедрый, но справедливый.

Бессильная злость, возмущение, нереальность, невозможность... Сотни чувств кружились вокруг, обвивая слизскими щупальцами... Макс даже стало казаться, что свет в комнате медленно, почти незаметно потухает, все ближе и ближе подтягивая тьму.

– Вы меня не запугаете. Я не буду ничего для вас делать.

Майор слегка сощурился и неспешно проговорил:

– Вот ты мне вначале даже смышленным парнем показался, а так разочаровываешь. Ну что, пойдете под суд с наркотой, лет на десять. Там и камушки приплюсуют, я всяк закрою. Мне еще и награду дадут, а вот вам несладко придется. Дружок у тебя тупой, таких на зоне любят, а ты вообще смазливый... тебе еще больше обрадуются.

Макс растерянно смотрел на гладкую оштукатуренную стену, где-то изнутри в правый висок прокрадывалась густая разъедающая боль, усиливающаяся с каждой секундой. Майор следил, не отрываясь, пристально и тяжело.

– Если я соглашусь, то Феню вы отпустите...

– С какой стати? – Майор тяжело и глухо рассмеялся. – Он мне вообще не сдался, по статье пойдет. Ну, может, срок скостим, если ты все быстро устроишь.

– Он не сможет один...

– А мне что? – Панфил Панфилович сделал усталый глоток из бокала. – В общем, у тебя минута, мне эта галиматья поднадоела изрядно.

Живот резко схватило спазмом, тянущим и болезненным. Хаотичные мысли роились в голове с взвездной скоростью, формируя различные планы действия, но каждый из них приходилось отвергать. Макс усиленно пытался что-нибудь придумать, но все варианты казались глупыми и поспешными, а главное, безрезультатными.

Наконец Макс тихо выдал:

– Тогда и Феня тоже в деле будет.

– Феня! – Панфил Панфилович презрительно фыркнул. – Ты меня доставать начинаешь. Да кто он вообще такой? Он хоть школу-то закончил как-нибудь?

– Он, – Макс внимательно посмотрел на майора, – между прочим, закончил вуз и имеет диплом о высшем образовании по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит».

– Что?! – Майор чуть не подавился коньяком и хрипло закашлялся. – Этот? С дипломом? С такими мозгами?

– Мама сказала, что с такими мозгами нужно идти либо бухгалтером, либо в милиц... – начал Феня.

– Он даже работал два года, – перебил Макс, успев переключить внимание майора на себя, – не так активно и успешно, но все же. В общем, мы вместе или никак.

Панфил Панфилович прикрыл глаза и молчал около двух минут, затем, усмехнувшись какой-то мельком проскочившей мысли, лениво изрек:

– Хорошо, пусть останется, может пригодиться кое для чего... – Макс облегченно выдохнул. – Только пусть особо ни на что не надеется. Первый промах – и пойдет по статье, и ты вместе с ним, это понятно?

Макс робко кивнул.

– Итак, – майор развалился в глубоком кожаном кресле и тяжело втянул воздух, – теперь по делу. Все, что я сейчас скажу, должно остаться между нами. Сболтнете лишнего – урою наутро... ни одна живая душа не найдет. Усек?

– Никто не должен знать, – утвердительно повторил Макс. – А что нужно сделать?

Майор еще раз испытующе посмотрел на обоих:

– Вы... тайно вынесете для меня картину из галереи. Современное искусство.

– Ка... какую картину? – Макс внезапно ощутил странное предчувствие, и предчувствие это совершенно не казалось приятным.

– Вот фотография... – Майор четкими движениями пробежал пальцами по смартфону и вытянул руку. На большом экране отображался холст, полностью залитый насыщенным сине-голубым цветом. В центре картины, по диагонали, грубыми неаккуратными мазками были нарисованы огромные черные вилы, на черенке которых красовался недобрый красный глаз.

– Что это? – осторожно спросил Макс.

– «Экзопулус», – удовлетворенно ответил майор. – Полное название «Экзопулус вздымает волны».

И тут Макс впервые четко и ясно осознал, что его безрадостное предчувствие определенно собирается себя оправдать.

Глава 2

Утром Макс чувствовал себя совершенно разбитым. Всю ночь он пытался заставить себя заснуть или, на худой конец, успокоиться, но ему это не удавалось. В отличие от Фени, который прекрасно выспался, не нарушая режим своего сна. И именно это абсолютное, непробиваемое спокойствие поражало Макса больше всего.

Срок их дружбы уже перевалил за одиннадцать лет – они знали друг друга еще со школы, – и за все время он ни разу не видел, чтобы Феня на кого-то кричал, плакал, заметно нервничал или еще как-то явно выражал свои эмоции. В тех редких случаях, когда его все-таки что-то расстраивало, Феня тихо садился в укромный уголок и грустил. Несколько раз Феня даже не вставал несколько дней подряд – не шевелясь, не подавая никаких признаков жизни, кроме едва заметного, поверхностного дыхания. Так было всего несколько раз – когда его родители не хотели отправлять его на обучение в институт, мотивируя это бесполезной тратой денег, когда сокурсники выложили видео с его интервью для студенческой газеты в YouTube, после чего оно собрало несколько десятков тысяч просмотров и даже попало в юмористические паблики, и когда его бросила единственная девушка, с которой он дружил более трех лет.

Макс всегда был полной противоположностью Фени – общительный, сообразительный и инициативный, иногда даже слишком, из-за чего постоянно попадал в передрыги и находил себе проблемы, даже когда сами проблемы его не особо искали. Раньше у такого образа жизни даже значились некоторые поклонники, воодушевленные Максом, как наглядным прообразом либеральных ценностей. Поклонники вдохновенно зачитывали свои не особо даровитые стихи о «свободной птице, душой как вольный ветер», поклонницы шутливо заигрывали и писали милые записки, но к двадцати семи годам практически все устремились в уютное ложе семейного очага и холодным ступеням карьерной лестницы.

В итоге Феня остался единственным, кто не пытался оградиться от своего любознательного и активного друга, а, напротив, полностью поддерживал его идеи – глубокая преданность всегда была его отличительной особенностью. Ну, и тяга к режиму.

Посему, когда ровно в девять утра зазвонил будильник, Макс знал, что ровно через десять секунд Феня встанет и выйдет поздороваться. Как обычно, секунда в секунду, в своем странном желтом халате с покемоном, в белых носках, в синих тапочках, секунда в секунду...

– Привет, – раздался знакомый голос.

– Здорово, Феня! Классно... А я ждал все, когда ты встанешь, ждал...

Феня сосредоточенно нахмурил брови:

– Ты очень лохматый...

– Ну да, да... Я просто рад. Ладно... – засуетился Макс, – сейчас завтракать будем...

Феня, видимо, не до конца поняв причину странной издерганности своего друга, не спеша отправился в ванную комнату, а Макс рывком бросился к окну и распахнул створки настежь. В заляпанном стекле мельком блеснуло отражение, в котором Макс заметил, что, действительно, копна его светлых, слегка выющихся волос стоит чуть ли не дыбом, словно у сумасшедшего профессора из старых комедий. Наспех пригладив свое подобие прически, Макс медленно выдохнул и посмотрел вниз с высоты пятнадцатого этажа. Он всегда любил высоту, в юности даже занимался скалолазанием, но сейчас захватывающий вид не вызывал у него никаких ощущений.

– Что я наделал... что я наделал... – негромко прошептал Макс, вглядываясь в серый асфальт где-то далеко внизу, в маленьких человечков, проворно снующих с пакетами, колясками и сумками, и в забавные цветные машинки, играющие солнечными отблесками на отполированных крышах. – Зачем все это?

И как будто случайно, острым тонким лезвием в мысли пробиравлось ощущение вины за Феню, за то, что он, как и Макс, увяз в этой истории. Макс пока не знал, как судить вчерашний день – считать свой поступок спасением или проявлением слабости?

В который раз Макс попытался привести мысли в порядок, но получалось это не лучшим образом.

Не лучшим образом, по мнению Макса, складывалась и дальнейшая перспектива. Идея выкрасть одно из самых модных и обсуждаемых полотен современной живописи из галереи современного искусства, напичканной камерами, проникнув туда под видом сотрудников, казалась безумной, хотя пару раз по спине пробегали мурашки азарта, которые Макс отчаянно пытался унять.

Организацию проникновения взял на себя майор, уточнив, что к полудню рядом с дверью будет лежать пакет с новыми паспортами и деньгами на первое время, а с директором галереи имеется знакомство, которое обяжет его взять на временную работу талантливых арт-деятели нового времени. Причем Максусу пристало быть талантливым дизайнером, а Фене – талантливым арт-критиком. Почему именно так – ответа от майора Макс так и не получил, зато получил уведомление, что излишнее количество глупых вопросов значительно сокращает путь от свежего московского воздуха до едких паров сточной канавы, где им придется провести в среднем лет пятьдесят, прежде чем их кто-нибудь отыщет.

За спиной послышался шум, и Феня неспешно вошел в комнату. Темно-русые волосы, разделенные на прямой пробор, всегда чуть длинноватые и чуть маслянистые, были старательно зализаны за уши, пухлые щеки порозовели, а светлые голубые глаза озабоченно наблюдали за Максом. Тот, резко обернувшись, быстрым, нервным шагом направился к нему:

– Это же какое-то безумство! Я даже представить себе не могу, во что мы ввязались и как нам это повернуть. Это какой-то бред! Знаю, мы и раньше делали глупости, точнее, я тебя втягивал, но здесь... И мне только что пришло осознание! Только что! Вчера я об этом даже не задумывался! Мы же ничего не знаем о современном искусстве!

Феня сосредоточенно посмотрел на Макса и отломил кусок булки, лежащей на столе.

– Да, я понимаю, – не унимался Макс, – может быть, мало кто знает о современном искусстве, но там же, в галереях, художники, дизайнеры, скульпторы, они же в курсе, что происходит... Они же это создают!

Феня пододвинул к Максусу оставшийся кусок булки.

– Спасибо, – Макс быстрым движением отхватил кусок и проглотил, почти не разжевывая, что голодный желудок встретил не особо благодарно. – А нам нужно в картинах разбираться... Я всю ночь читал про модные выставки, но пока что-то ничего не понял. Кроме того, что нужно искать скрытый глубинный смысл, тонкими мазками намеченный подсознанием...

– Нужно завтракать, – окончательно решил Феня и направился к холодильнику. Громоздкий обитатель кухни, которому было уже более шестнадцати лет, лениво отсвечивал отполированными серебристыми панелями, неподалеку от него стоял небольшой квадратный столик с тонкими ножками, сужающимися книзу и шесть табуреток незатейливого дизайна, купленные на распродаже в ИКЕА.

Растерянный, Макс присел на одну из табуреток и рассеянно отпил из чашки холодный черный кофе, застоявшийся, казалось, еще с вечера. На бежевых обоях, покрытых мелким цветочным декором, кое-где отошедших от стены, висели цветные тарелки, пучки засушенных трав и небольшие картины, вышитые крестиком, с изображением полей, лугов и незатейливых натюрмортов. Квартира досталась Фене от бабушки более года назад, но с тех пор практически ничего не поменялось, лишь дополнилось парой-тройкой единиц техники, которые заметно контрастировали с ярко выраженным пасторальным стилем.

Макс в качестве дополнительного обитателя достался Фене примерно десять месяцев назад. Когда Макс, в третий раз начавший и бросивший учебу, окончательно разругался со

своими родителями (в особенности с отчимом, убежденным карьеристом), это послужило косвенной причиной для весьма оголтелой перепалки с одним из посетителей в небольшом ресторанчике, где Макс в то время подрабатывал барменом. Затем выяснилось, что сей посетитель оказался высокопоставленным гражданином, и весьма скоро Макс оказался на улице, без работы и денег. Феня стал единственным, кто сразу предложил остаться у него дома любое необходимое время, и Макс согласился.

Фене, к слову сказать, это соседство позволило значительно воспрянуть духом, так как его отношения в семье были также далеки от идеала. Причиной тому был его младший брат Митя, капризный, ленивый и довольно принципиальный в своих поддевках, которому родители пытались отдать все, что могли, хотя все в итоге оказывалось бесполезным. Макс всеми силами пытался поддерживать Феню, и о Мите старался особо не говорить. Но Митя все же иногда напоминал о себе...

– Я нашел пирожки с мясом и пирожки с капустой. Много, – провозгласил Феня.

Свежая, румяная выпечка, которую Феня постоянно закупал в небольшом магазинчике около дома, разогретая в небольшой микроволновке, вкупе с горячим кофе сделала свое дело – разомлевший и немного успокоившийся Макс разглагольствовал на тему новостей искусства, которые мельком прочел в интернете, и постепенно его стало клонить в сон...

Около входной двери послышался какой-то шорох, а потом звонок. Макс резко подскочил, и заспанными глазами посмотрел на стену. Широкие стрелки деревянных часов, украшенных мудреными узорами в старинном стиле, показывали пять минут первого. «Майор, картина!» – пронеслось в голове, и Макс побежал к двери. За ней он обнаружил на полу свернутый бумажный пакет, в котором были бережно сложены два паспорта, два листа с распечатанными биографиями, адрес магазина мужской одежды, карточка парикмахерского салона и довольно приличная сумма денег.

Оглядев все, Макс попытался собраться, и где-то внутри стал понемногу разгораться огонек упрямства. Пусть почти все было зыбко и неясно, и никто не мог заранее предсказать, к чему может привести такая рискованная затея.

Глава 3

Артем Поплавский уныло сидел за небольшим столом, заваленным бумагой, заметками и обертками от дешевых батончиков.

Сотни звуков и шумов, отлетающие от старательно работающих принтеров, бдительных телефонных аппаратов и открывающихся дверей сливались с нежным щебетанием юных журналисток в узких юбках и риторическими размышлениями редакторов. Понедельник, половина третьего, почти все были погружены в работу, окутанные незримым офисным духом. Артем отрешенно смотрел перед собой, неумело пытаясь затушить все более нарастающую раздражительность. Периодически появлялись смутные беспокойные идеи, которые сразу отвергались, ибо выдрессированная за годы разумность всегда одерживала верх.

Взгляд невольно потянулся книзу. На столе, справа от стаканчика, плотно набитого карандашами и ручками, стояла небольшая фотография в рамке – миловидная девушка со светлыми локонами, аккуратно подхваченными блестящими заколками, и двое детишек. Девочка, с такими же, как у мамы, светлыми волосами, густо украшенными разноцветными резинками, обнимала плюшевую корову, мальчик несколько старше, одетый в яркую футболку, на которой красовался Супермен, держал руки на коленях и широко улыбался. Артем нежно погладил рамку мизинцем, а затем рука бессильно опустилась на светло-серую столешницу.

– Ну что, Артюшка, грустишь опять? – Из-за небольшой офисной перегородки вынырнула веселая и задорная девчушка с яркими рыжими кудряшками, доходившими ей до плеч. – Собирайся, у Никиты день рождения сегодня, через двадцать минут поздравлять идем. Кстати, еще по триста рублей скидываемся на Катерину Павловну, у нее юбилей в среду, пятьдесят лет. А ты, как мужчина, прекрасный и словом и делом, подаришь букет от всех нас.

– Я никуда не пойду! – Артем резко дернулся и гневно посмотрел на девчушку – родители дали ей имя Мирта, но все вокруг называли ее Мира. – Идите сами, если хотите. И прекрати называть меня «Артюшка». Детский сад, ей-богу.

С этими словами Артем уронил голову на руки и закрыл глаза.

– Хей-хей, да у нас тут серьезный клинический случай, – усмехнулась Мира, – просто выезжайте машины, по всем газам. Вы ж успокойтесь, сеньор, на вас никто не нападает.

– Не надо меня успокаивать, Мира, все в порядке. Иди на корпоратив...

– Ну, это не корпоратив, это день рождения.

– Пусть день рождения, Лени, Васи...

– Никиты.

– Хорошо, Никиты, – Артем пристально посмотрел на свою собеседницу. – У меня просто голова болит, все в порядке. И ты... извини, я сейчас немного раздраженный. Может, таблетку надо съесть.

– Слушай, – Мира присела на край стола и направила на Артема указательный палец, – ты можешь изображать что угодно, но уж я-то тебя знаю. Понимаю, что проблемы с женой и детьми радости не доставляют. Но знаешь, в чем главная проблема? А во всем. Тебе просто все не нравится. Это называется кризис среднего возраста. Это надо принять.

– Нет у меня никакого кризиса!

– Не спорь со мной. Я в курсе, у моего папы такое было, так что я знаю, о чем говорю. Он почти так же, как ты, начал себя вести. И тоже отрицать все пытался. А еще возраст у тебя подходящий – тридцать восемь лет.

– Послушай, Мира, – усталым глухим голосом произнес Артем, – не знаю, права ты или нет. Может, у меня просто настроение какое-то неправильное. Или мысли не те. Или отдохнуть нужно. Но вот я доработаю до пятницы – по сути дела, четыре дня осталось – и поеду в отпуск. Там будет тепло, уютно, тихо, море, ракушки... И я отойду, вернусь уже нормальный.

Мира двумя пальцами подхватила карандаш с полустертой резинкой и, повертев его в руке, заметила:

– Так ты же вроде в Таиланд едешь?

– Ну да.

– Не назвала бы это самым тихим местом, – засмеялась Мира, – по крайней мере, мне так показалось. Уж если ехать в тишину, то искал бы какой-нибудь маленький островок или городок, скрытый от глаз назойливых туристов. Еще и в дождь попадешь. – Мира, игриво бросила карандаш. – Только если вы, дон сеньор, что-то не замышляете.

С этими словами Мира легко соскочила на пол и звонко, почти по-детски рассмеялась:

– Ладно, я пойду, а то ты, судя по глазам, мрачно обдумываешь, как бы меня поскорее закопать, и, наверное, уже придумал место. Только давай не рядом с нашей редакцией, не хотелось бы на работе кони двинуть. Хотя... судя по заданиям нового главреда, это весьма вероятно.

– Мир, ну ты идешь? – Из-за двери послышался зычный голос. – Сейчас уже поздравлять будем.

– Иду! – крикнула Мира, бросила быстрый взгляд на Артема, как будто обдумывая, что еще можно добавить, но в итоге, так и не произнеся не слова, убежала.

Поплавский, оставшись один, тихо чертыхнулся и, после недолгого замешательства, схватил помятую пачку сигарет и направился к выходу, одаривая всех отрепетированными кислыми улыбочками. Пройдя сквозь толпу занятых и успешных и вынырнув, наконец, из душного лифта, он резко выскочил в дверь, нечаянно задев какого-то посетителя, и, наспех извинившись, побежал в сторону курилки. И к огромному облегчению Артема, она была совершенно пустой.

За пределами офисной жизни мир был объят непогодой – неяркое серо-голубое небо настойчиво обнимали мрачные тучи, вдали виднелись дрожащие от ветра кустики, заволоченные тусклым маревом, острыми гранями царапали волны бушующего ветра. Внезапно, всего на долю секунды, в воздухе повисла пронзительная тишина, холодная, безупречная, которую сразу же разбил шумный раскат грома, и небольшой шатер с деревянными скамейками оказался в плену проливного дождя.

Рухнув на сидение, Артем дрожащими пальцами попытался достать сигарету, но неуклюже разломал ее надвое и, чертыхнувшись, полез за следующей. Она оказалась последней.

– Да что же это такое!.. – простонал Артем и бережно, чтобы не сломать, вытащил сигарету из пачки. Помятая, истасканная пачка упала на грязную плитку. – Потом подберу, – попробовал уверить себя Артем и прикурил.

Затянувшись и закашлявшись, Поплавский грустно посмотрел на полупрозрачный дым, витиевато окутывающий пальцы.

– Надо бросать... может, после отпуска... – понуро произнес Артем, как будто пытаясь себя уговорить, хотя подсознательно понимал, что снова обманывает сам себя.

Немного спустившись вниз, он откинул голову на спинку скамейки и тоскливо прижался к мокрому деревянному столбику от наспех заделанного шатра. Тяжелые капли воды укрывали, нежили, дарили временный приют. Каким он стал сейчас? Зброшенным, опаленным, пустым, несчастным? Невзрачным горемыкой, что вызывает жалость и пренебрежение?

Мира была права. С ним действительно было что-то не так. Это длилось уже полтора года, но только два месяца назад его жена, с которой он прожил тринадцать лет, забрала двоих детей и ушла... и больше не отвечала на звонки. Артем пытался дозвониться ее маме, но та сообщила, что Верочка с ним говорить не хочет. Верочка... Вера...

– Я потерял веру... в жизни... – грустно усмехнулся Артем и снова затянулся.

Он всегда был немного суеверен и романтичен, хотя никогда в этом не признавался, открещиваясь любимыми возможными способами. И по странной игре судьбы, супруга оставила его за неделю до тринадцатилетия их свадьбы.

В делах он давно был болен апатией. Когда Артем, молодой и подающий надежды выпускник МГУ, устроился в небольшую газету «Знать», добивающую лозунгом «Правда и ничего другого!», он и подумать не мог, что останется в ней на целых шестнадцать лет. Газета была не очень популярна и пыталась соединить в себе все, что только можно, – общественные темы, сплетни из жизни звезд, политические расследования и полезные советы. Артем умел писать неплохие статьи, некоторые из которых были довольно успешными, затем случилась женитьба, несколько раз его повысили по службе, появились дети. Вскоре он почувствовал, что просто привык к этой газетке, которая уже стала немного более популярна, чем была, а потом, как говорит Мира, пришел кризис среднего возраста и осознание бессмысленности своих поступков.

Даже выбор в Паттайю² не был достаточно осмысленным. Артем просто зашел на сайт туров и нажал первую попавшуюся картинку, привлекающую яркой надписью «Горящие туры» и небольшой ценой, надеясь только на то, что после отпуска в его жизни что-то поменяется само собой, без его участия. Когда-то он стал смотреть на мир глазами заблудшего дервиша, почти незаметно для всех ушедшего в бескрайнюю пустыню собственных мыслей и несбывшихся мечтаний. Все чаще ему хотелось забыться, отдаться мятежным порывам бури, раствориться в них, разбиться на части, на тысячи птиц, что будут парить и кружиться в небесах и вечно наслаждаться красотой... Дивной, волшебной, благолепной...

– Эй, ты че, спишь, что ли? – От грубого голоса Артем чуть не подскочил. – Обалдел совсем? Тебя всей редакцией ищут, главред сказал срочно привести, а он в курилке спит. С дуба человек рухнул совсем.

Артем растерянно смотрел на Никиту – здоровенного и крепкого, с короткой, почти под корень, стрижкой, который смотрел на него сверху вниз.

– Ты че смотришь, вставай, я же сказал, ищут тебя все. Я тут в свой день рождения мокнуть из-за тебя должен? Охота пострадать – будет отпуск, иди в запой. А пока тут работа, а не отдых тебе.

С этими словами Никита схватил Артема за руку и потащил. Артем, не до конца понимая, что происходит, покорно поплелся за ним.

Никита работал здесь уже около пяти лет. Раньше он был весьма неплохим оператором, работал на телевидении и свободное время проводил в «качалке». Но потом, на одной из тренировок, Никита серьезно повредил связки правой руки и камеру больше держать не смог. После двух лет реабилитации Никита восстановил моторику руки и, хотя тяжелые предметы поднимать уже не получалось, переквалифицировался в фотографа и вернулся к работе.

– Ты, конечно, круто придумал, нашел место для сна.

– Да я не спал, – запротестовал Артем.

– Ага, конечно, рассказывай давай. Уже полседьмого, половина компании домой свалила. И штаны еще себе прижег окурком.

– Где? – растерянно пробормотал Артем.

– Да вот же, – Никита указал на круглое, обуглившееся с краев, отверстие в джинсах на верхней части бедра, – скажи спасибо, что причиндалы себе не поджарил, а то вообще бы день не задался. – Никита залился громким, здоровым смехом, каким мог бы смеяться добротный деревенский мужик вечером, после хорошей работы на поле, сытного ужина и чарки-другой.

Артем через силу улыбнулся:

– Точно... Спасибо, Никита. И с днем рождения тебя, кстати. Извини, что не смог подойти со всеми.

– Да ладно тебе, – Никита с добродушным видом почесал ухо, – я не в обиде. А вот Яков Юрьевич, – Никита подмигнул левым глазом, – весьма вероятно.

Артем вздохнул. К этому времени они уже подошли вплотную к большому семиэтажному зданию, и, оставив позади стеклянный холл бизнес-центра, узкий лифт и Никиту, юркнувшего в техотдел, Артем остановился перед последней дверью, украшенной золотой табличкой с надписью: «Косторович Яков Юрьевич». Постучав два раза и услышав разрешительное мычание, он набрал воздуха и шагнул вперед.

Главному редактору недавно исполнилось шестьдесят. Среднего роста, но достаточно худощавый, в небольших круглых очках без оправы, с легкой белесой щетиной, сформировавшейся в аккуратную бородку, он что-то увлеченно писал в своем блокноте с кожаной обложкой цвета малахита.

– Яков Юрьевич, вы меня искали... – Артем осторожно закрыл дверь. – Вы меня извините, я просто... не успел подойти...

– А, это вы... – Косторович вопросительно взглянул: – Вы...

– Артем Поплавский.

– Артем. Я прошу прощения, еще не всех знаю поименно. Вы присаживайтесь, – Яков Юрьевич снова углубился в блокнот.

Артем почти неслышно подошел к столу и опустился в мягкое кресло, покрытое темно-изумрудной матерчатой обивкой. Сразу бросалось в глаза, что в кабинете главного редактора находилось множество вещей – статуэток, вазочек, накидок – в каждой из которых присутствовал зеленый оттенок. Было непривычно. Со дня ухода предыдущего предводителя газеты «Знать» – Дмитрия Борисовича – прошла всего неделя, в течение которой Артем занимался журналистским расследованием и писал статью.

Под пафосным названием скрывалась поездка Артема в Нижний Новгород, где разгорелся местный скандал про исчезнувшую три дня назад школьницу. Несмотря на помпезные домыслы и догадки практически всех, кто мог к этому иметь какое-то отношение – родителей, соседок, одноклассников, друзей, которые к тому времени обзавелись тайными мотивами, которым могли бы позавидовать лучшие детективы мира, – школьница Даша около одиннадцати вечера того же дня вернулась сама, веселая и в подпитии. А рассказанная ею реальная версия случившегося, казалось, расстроила всех своей тривиальностью. Оказалось, она просто познакомилась в соцсети с «нормальным» парнем, жившим в Нижегородской области, и тот предложил ей покататься и отдохнуть на Волге, пока стоит хорошая погода. Недолго думая, она заменила сим-карту, прыгнула в автобус, еще немного проехала автостопом, а потом встретилась с долгожданным кавалером, подъехавшим на стареньких «жигулях» своего дедушки. И после трех прекрасно проведенных дней на Волге девчушка благополучно возвратилась домой.

После этого уставший и надутый Артем, возвращавшийся на автобусе в кромешной тьме, написал в своем блокноте огромными буквами «Школьница ушла купаться», и больше всего ему хотелось, чтобы так и напечатали в газете. Чтобы на полном развороте красовались только три слова. Чтобы все читатели поняли, что такое по-настоящему «Правда и ничего другого».

Но затем, снова уговорив себя, снова написал стандартную псевдоморалистическую статью о том, кто же виноват в этой истории, что было бы, если бы трагедия все же случилась, насколько близки сейчас родители и дети, почему раньше было лучше, и выслал ее в редакцию.

К этому времени Косторович уже успел познакомиться почти со всеми. Яков Юрьевич имел в своем окружении неплохую репутацию и связи, поэтому, когда предыдущего редактора «попросили» владельцы газеты из-за низких продаж, Косторович оказался в нужный момент и как всегда произвел прекрасное впечатление.

– Итак, я, пожалуй, закончил, – Косторович удовлетворительно захлопнул блокнот. – О чем я хотел с вами поговорить. Вы писали статью о девочке из Нижнего Новгорода...

– Да, – кивнул Артем, – про Дашу.

– Так вот... Я внимательно прочел вашу статью и признаюсь, что серьезного редактирования она не требует, даже не думаю, что там стоит добавлять какие-то замечания или особые правки...

– Спасибо, – просиял Артем, – я старался...

– Потому что это – полный бред, – закончил Косторович. – Давно я не читал настолько безынтесный материал. Кто-то может жаловаться, что в статьях много воды, а здесь же – целое море, океан, можно дайвингом заниматься дни напролет.

– А я тут при чем? – вскричал Артем. – Мне выдали задание, направили в этот... Нижний Новгород... страдания пропавшей школьницы освещать. Я собрал весь материал. Я знаю теперь наперечет всех любовниц дяди Гриши и почему баба Клава отказалась продавать дачу. И непосредственно перед моим отъездом эта... – Артем проглотил слюну, – Даша заявляется и говорит, что ей прекрасно было на Волге тусить. О чем мне писать?

– Спишу на то, что мы пока не очень хорошо друг друга знаем, это естественно, – Яков Юрьевич постучал средним пальцем по столу. – Во-первых, Артем, сядьте. Во-вторых, не нужно перебивать, это явный признак невоспитанности или внутренних комплексов. Что у вас, мне на данный момент неинтересно. А в-третьих, я в курсе, что газета стала получать негативные отклики, темы статей стали неактуальными, что видно даже в вашем случае. Владельцы очень недовольны. Возможно, Дмитрий Борисович просто выгорел...

– Ничего он не выгорел... – начал Артем и осекся. – Извините.

– На самом деле что стало с Дмитрием Борисовичем, мне также неинтересно. Мое дело – исправить ситуацию. И у нас теперь немного изменится политика и освещаемые темы. Поэтому ваша статья в печать не пойдет. Но я могу отметить, что у вас неплохой слог и достаточный опыт. Поэтому у меня для вас задание. Думаю, что вы слышали, что на следующей неделе в Москву в галерею «Артекториум» привезут картину «Экзопулус вздымает волны», о которой все столько говорят. Мне по своим каналам известно, что в среду сюда приедет и сам художник – Феликс Петров, и он будет на открытии выставки. Вы поедете подробно освещать информацию, будете на открытии, возьмете интервью у директора арт-центра, экспертов, критиков и самого Петрова. И подготовите полноценную статью, подробности, факты, ну и так далее. Со мной постоянно быть на связи. Вам все ясно?

– Я не могу, – запротестовал Артем, – у меня отпуск на две недели.

– Возможно, отпуск придется отложить.

– Я не могу, еще раз говорю. У меня билет куплен.

Яков Юрьевич неспешно погладил бородку.

– Артем, я скажу вам прямо. С моими заместителями мы уже обсуждали вопрос того, что, возможно, вам стоит отдохнуть несколько месяцев. Или попробовать поработать в другой сфере. И дело не в этой статье про девочку Дашу. В последнее время вы никак себя не проявляете. Да, я не отрицаю ваших заслуг, которые меня и подтолкнули, чтобы дать вам еще один шанс. Нам нужны хорошие журналисты. Но и при значительном опыте никто не застрахован от выгорания. Поэтому сейчас ваш выбор. Тем более после двух недель никто не может сказать, как изменится наша газета и наши сотрудники.

– Вы мне что, увольняться предлагаете?

– Отнюдь, – Яков Юрьевич поправил очки, – я вам предлагаю написать статью, осветить актуальную интересную сферу, чтобы мы могли точно определиться насчет вас. Вот что я предлагаю.

– Да иди ты в жопу! – резко выкрикнул Артем. – Хочешь, увольняй, мне все равно. И вот еще... – с этими словами Артем стянул с шеи бейджик на веревочке в оливковой рамке, – вот тебе еще зелененького в коллекцию, наслаждайся!

В раздраженных чувствах Артем выбежал из кабинета, чуть не врезавшись в редактора-эксперта по моде и модным трендам Антонину – полную грузную женщину невысокого

роста с несимметричным черным каре, которая всегда одевалась в черные платья, дополняя их яркими цветными шарфиками и ногтями того же оттенка, что и шарфик.

– Боже мой, Артем, как вы меня напугали, я же чуть в обморок не упала, – сбивчиво, с небольшим придыханием зашептала Антонина.

– Ну и падала бы, ты где уже только чуть не падала, только вот не свалилась ни разу! – резко и злобно отрезал Артем и быстро побежал вперед.

– Господи! Какое хамство! Уму непостижимо... Я думала, что вы интеллигентный человек, а оказалось... Да вы хуже базарного!.. – гневные выкрики Антонины остались далеко позади.

Артем на ходу попытался нащупать пачку сигарет, но в последний момент вспомнил, что пачка была пустая и осталась в шатре.

– Черт возьми, да что же это! – отчаянно выкрикнул Артем, прислонился к стене напротив лифта и начал медленно спускаться на пол. Отчаянно захотелось выпить.

– Артем, с тобой все в порядке? Может, скорую вызвать? – к нему подбежали две сотрудницы в ярких юбках.

– Да оставьте меня в покое все! Все со мной в порядке! – крикнул Артем.

В кармане джинсов зазвонил телефон.

– Ну его, он какой-то неадекватный в последнее время, – заметила одна из девушек. – Пошли, нам еще верстку доделывать.

Артем медленно достал телефон и посмотрел на экран. Любимая. Он так и не поменял надпись. Столько раз думал, но рука так и не поднялась. Все не находил время, а может, время не давала найти смутная, призрачная надежда. Смартфон звонил настойчиво. Изнутри подкрадывался страх.

Наконец он нажал на кнопку. Сквозь расстояния и непогоду к нему добрался родной, тихий голос.

– Привет, – сказал голос.

– Привет, – перехватив внезапно нахлынувшую дрожь, произнес Артем.

– Ты можешь сейчас разговаривать?

– Да, конечно. Я... свободен сейчас.

Голос затих, послышался глубокий неровный вздох, похожий на всхлип. Всклип сдержался, и в телефон снова проникли слова.

– Артем, нам нужно разойтись.

Поплавский не смог произнести ни слова, последняя надежда, которую он берег, которая плотно поселилась в подсознании и постоянно подпитывала его, растаяла. Медленно, плавно, негромко исчезала, растворялась в полупрозрачной дымке...

– Артем, я понимаю, что это неприятно и трудно для нас обоих... Конечно, я долго отвергала такой вариант, надеясь сохранить нашу семью до последнего... Тем более у нас дети, им нужен папа... Но... Я долго думала и советовалась, и с мамой, и с сестрами... Мы просто дошли до той точки, когда лучше прекратить... чтобы не стало хуже... Понимаешь... я хорошо к тебе отношусь, и я не против, чтобы ты общался с детьми... и мы остались друзьями... Просто... ты стал в последнее время... ты другой, не такой, какой был раньше... В нашей семье ушла теплота... я не чувствую поддержки от тебя... Я тебя почти не вижу дома... ты все время на работе... и ты какой-то злой, раздраженный... И это не прекращается... это чувствуют дети... Они нервничают... Все становится хуже... только хуже... Мне Ксюшка знаешь что сказала уже? «Где мой папа? Это не мой папа». Она думает, что тебя подменили. Ну, не может ребенок в пять лет так думать. И не должен. Это неправильно... Артем, ты меня слушаешь? Скажи что-нибудь!

– Да, Вера, я все услышал, – медленно проговорил Артем. – Хорошо, если ты так хочешь, пусть будет так.

– Так просто будет лучше для всех, и для нас, и для Ксюши с Данечкой...

– Хорошо.

– Тогда я... займусь документами... и позвоню тебе потом... когда приехать нужно будет...

– Да. Я подъеду. Когда нужно.

– Тогда... пока...

– Пока.

Голос исчез, но Артем все еще держал смартфон около уха. Прошло время, но голос не появлялся, вокруг было тихо, офисы почти опустели. Телефон рухнул на пол, отозвавшись металлическим ударом. Пустота. Артем боялся этого момента и всячески отгонял от себя эту мысль. Он не готовился к этому разговору, он просто надеялся, нет, был уверен, что этого разговора просто не будет. Но все оказалось иначе. И теплый родной голос стал произносить колючие, ядовитые слова, хотя этого просто не могло быть.

Не было сил для крика, не было слез для плача, не было смысла в алкоголе. Единственное, что Артему хотелось сейчас, это не оставаться одному наедине со своими мыслями – с отчаянием, с жалостью к себе, с мучительной скорбью по счастью. Любым способом пережить.

Артем медленно поднялся, сунул смартфон обратно в карман и, держась за стену, направился назад, к кабинету Якова Юрьевича.

Глухо постучав, он открыл дверь и прямо с порога проговорил:

– Яков Юрьевич, я приношу извинения... понимаю... Вы можете меня выгнать хоть сегодня...

Косторович неодобрительно посмотрел на него поверх очков.

– Но я готов освещать выставку, если вы разрешите. Вы получите от меня самую лучшую статью... и с интервью, и с обзором... Все будет на высшем уровне... – Голова сильно кружилась, правая нога предательски пыталась подкоситься, но нужно было успеть спастись от самого себя. Потом могло быть поздно. Поэтому последнюю фразу Артем произнес максимально твердо: – Даю слово...

И в этот момент на лице Косторовича проскользнула чуть заметная, но довольная улыбка.

Глава 4

Две фигуры, быстрым шагомдвигающиеся по тротуару, залитому немного уставшим, но все же ласковым августовским солнцем, привлекали заметное внимание прохожих.

Высокий молодой человек со светлыми волосами, уложенными элегантно волнами, поигрывал цепочками, отходящими от тонких браслетов на правой руке. Пурпурный пиджак, слегка отсвечивающий на солнце, сочетался со светло-серыми, почти стальными, узкими брюками и светлой приталенной рубашкой, подчеркивающей его стройную фигуру. Образ дополнял легкий клетчатый шарфик, заправленный в ворот, и круглые солнечные очки со стеклами темно-синего цвета.

Второй человек, пониже ростом и поплотнее, был одет в изысканный костюм цвета ультрамарин с узкими лацканами, вкуче с ярко-красной бабочкой и нагрудным платком аналогичного цвета. Темно-русые волосы, аккуратно зачесанные назад, были идеально гладкими от нескольких слоев геля. Образ довершали декоративные гловелетты³ с алым узором и тонкая лакированная трость с золотистой рукояткой.

Случайные прохожие приостанавливали шаг, кто-то между делом улыбался, а компания беззаботных туристок из Китая даже сделала несколько фотографий, перед этим что-то одобритительно выкрикнув.

– Все-таки сегодня приятный день, – отметил Макс, раз в седьмой заводящий разговор о погоде, – погода просто отличная, это немного успокаивает. Добавить бы еще пару билетов первым классом куда-нибудь на Бора-Бора, так вообще было бы идеально. Или куда-нибудь в Эквадор, на берега Амазонки, посреди непроходимых и прекрасных джунглей... или в горы, где нас найдут кечуа⁴ и уведут в свои поселения. А мы будем все снимать, и станем модными видеоблогерами, и будем путешествовать по всему миру. В самых отдаленных уголках планеты... куда не ступала нога человека. Так, куда нам теперь... похоже, что прямо...

Спешно перебежав через дорогу, по пути чуть не задев бордовый «Форд Фиеста», Макс остановился около широкой витрины и скептически оглядел свое отражение, дожидаясь друга, впопыхах поспевающего за ним, после чего продолжил:

– Знаешь, Феня, может быть, ходить в этом и не особо удобно, но я считаю, мы выглядим стильно. Ярко, свежо, небанально. Как и должны выглядеть жрецы искусства, ведущие наше общество в безграничные дали высшего развития... беседующие об идеях, доселе не доступных человечеству... сверкая на солнце итальянским бархатом цвета маджентовой⁵ дымки. Кстати, когда все закончится, я, наверное, оставлю его себе. Ты, как талантливый арт-критик, согласен?

– Его чистить трудно, мусор прилипнет, стирать нельзя, я такое знаю. На шторах тоже прилипает сильно, только они еще больше, а кофта поменьше, будет потом вся в мусоре, – уточнил Феня.

Макс укоризненно посмотрел на своего друга:

– Нельзя же так безапелляционно оголять проблему композиции. Я, между прочим, себе нравился еще минуту назад...

Феня покосился на стоящую поодаль скамейку, откуда худенькая девчушка лет пятнадцати послала ему воздушный поцелуй и смущенно захихикала вместе компанией таких же юных подружек.

– А еще на нас странно смотрят, много людей.

– Мне кажется, мы им нравимся, – Макс резко обернулся, отчего на полной скорости ему в плечо врезалась раздраженная бабулька, громко обложившая обоих бранными словами и спешно устремившаяся к автобусной остановке.

– Пусть даже не всем, – добавил Макс. – И нам, между прочим, осталось метров двадцать, если все верно по картам.

Пройдя мимо нескольких магазинов, щедро украшенных пестрыми вывесками и зазывающими сообщениями о невообразимых скидках и прекрасных товарах, новоиспеченные знатоки искусства остановились около невысокого светлого здания, выполненного в современном стиле. Высокие окна прорезали почти весь фасад, над большой стеклянной дверью располагались объемные акриловые буквы, составляющие надпись: «Галерея современного искусства „Артекториум“».

– А вот и наш арт-центр... или как его правильно называть... Ну что... – Макс на секунду запнулся, – пойдём... внутрь.

Немного помедлив, собираясь с мыслями, Макс, наконец, толкнул тяжелую дверь и очутился в огромном квадратном холле белоснежного цвета, создающего ощущение безграничного, почти ирреального, пространства, от которого слегка кружилась голова.

На фоне белых стен, пола и потолка выделялась строгая отделка серебристого цвета и два диванчика с темно-вишневой обивкой, стоящие друг напротив друга. Стиль помещения подчеркивали абстрактные скульптуры и полупрозрачные стойки, на которых были прикреплены яркие плакаты в полигональном⁶ стиле с названиями выставок. Особенно привлекала внимание стойка у входа, где тонкие металлические стержни создавали замысловатый узор, похожий на паутинку, заключенную в стеклянный каркас.

Макс зачарованно переводил взгляд, пытаясь найти своеобразную точку опоры, но все сильнее терялся в этом неизведанном мире.

– Мы сегодня не работаем, выставочный зал будет открыт завтра. А как вы вошли? – Раздавшийся слева негромкий, чуть раздраженный баритон, отдавшийся еле слышным, приглушенным эхом, вывел Макса из состояния зачарованности.

– Дверь была открыта, – констатировал Макс.

– Да что ж такое, бардак везде! – посетовал обладатель голоса, оказавшийся мужичком среднего роста, на вид немного уставшим и даже поникшим. Дорогой, асфальтового цвета, костюм без галстука дополняла помятая черная рубашка с расстегнутым воротом. Темные волосы начинала проедать небольшая залысина, еще прикрытая редкими прядями, над карими глазами нависали тяжелые, слегка припухшие веки. – В общем... приходите завтра.

– Мы не на выставку, – успел вставить Макс, – нам нужен директор. Вишцевский... Эрнест Львович.

– По какому вопросу? Что вас интересует?

– Абсолютно все, – Макс выдал обворожительную улыбку. – Но особенно сильно нас интересует, на месте ли он и когда сможет нас принять. Мы по поводу работы, майор Грозов должен был сообщить. Так директор на месте?

Мужичок сделал два шага вперед и медленно обвел взглядом обоих. Доносился легкий, но настойчивый запах алкоголя.

– Ну, могу предположить, что я на месте.

– Вы...

– Майор, да, помню... Панфил Панфилович упоминал о вас... и настойчиво советовал принять вашу помощь в организации выставок. И я зачем-то согласился, хотя лет десять его уже не видел... Но он же всех достанет... с детства всех доставал... – Директор зашелся тяжелым, хрипловатым кашлем, затем пристально посмотрел на Феню. – Так что... придется... да...

Вишцевский на секунду задумался и добавил:

– Вы будете представляться?

– О, да, конечно, – Макс протянул правую руку вперед. – Меня зовут Максимилиан, можно и Максим, потому что почти все мои друзья так сокращают, и я к этому привык, но лучше просто Макс. Я активно изучаю интерьерный дизайн и, надеюсь, смогу быть вам полез-

ным при оформлении выставок. Ваш выставочный центр вдохновляет и поражает, я благодарен, что вы ответили согласием на просьбу Панфила Панфиловича. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

Вытянутая рука осталась без ответа, директор, казалось, даже не заметил ее. Прикрыв глаза, левой ладонью он медленно потирал лоб.

– Ну, не знаю, у нас почти все оформлено... но...

– Это не проблема. В теме искусства я универсален.

Вищевский устало опустил руку:

– И какие направления вам близки больше всех? В дизайне, я имею в виду...

– Разные... мне нравятся современный дизайн. Чтобы он был, – Макс отчаянно пытался вспомнить обрывки фраз, прочитанных им накануне, – стильным. Да, точно, стильным, модным, отвечал вкусу людей. А еще не стоит забывать про общемировые тенденции, они тоже должны отражаться в произведении. Искусство – многогранно. Это один из столпов, на котором держится наше общество.

Образовалась небольшая, но заметная пауза. Срочно нужно было что-то добавить.

– Несомненно, важны оттенки цвета в сочетании с современными формами. А вообще, нельзя не оценить вклад Италии в открытии новых горизонтов развития дизайнерской мысли...

– О-ох... – Директор потер живот и несколько раз кашлянул. – Да, Италия – это хорошо. То есть вам кто близок... Мендини⁷, Соттсасс⁸, Лавиани⁹... не знаю... Фабио Новембре¹⁰?

Вопрос поставил Макса в тупик, потому как все упомянутые фамилии он слышал впервые. Посему пока что единственное логичное предположение сводилось к тому, что все выше-названные представители являлись дизайнерами, и, с большой долей вероятности, успешными, судя по знаниям Эрнеста Львовича.

А еще смутные воспоминания по психологии и собственный опыт подсказывали, что при отсутствии знаний нужно отвечать вопросом на вопрос и уводить обсуждение куда подальше.

– Они все хорошие, – Макс выпрямился и попытался принять вид как можно более вдумчивого и глубокого человека, – даже не знаю, кого и выбрать. Каждый из них прекрасен по-своему. У каждого свой стиль и своя красота. Разве можно выбрать кого-то? Выбирать между талантами, затаптывая одного и превознося другого? Когда-то я взял себе за правило никогда не рассуждать на эту тему, и до сих пор мне удавалось следовать этому. Ведь слишком часто простое обсуждение предпочтений в итоге своем выливается в диспут, который нещадно погребает под собой все нормы тактичности. В редких случаях благовоспитанность одерживает верх, как правило, чаша весов склоняется в неверную сторону. Увы, я наблюдал это слишком часто.

Возможно, данному монологу мировые политики аплодировали бы стоя, но пана Вищевского он ввел в необъяснимый ступор. Трудно было понять, что из вышесказанного дошло до него, он продолжал стоять на месте, замерший, с отсутствующим взглядом, изредка покачиваясь из стороны в сторону. В пустующем холле распространялась странная, почти хрустальная, тишина – острая, нервная, цепкая.

– У меня что-то голова сильно болит... – пробормотал Эрнест Львович. – В общем, у вас хорошая, интересная позиция... А чем занимается ваш немногословный друг?

– Я – талантливый арт-критик, – провозгласил Феня.

– Именно так, Парфений очень долго и глубоко изучал искусство, и у него действительно способность видеть суть идеи, которое недоступно к осмыслению многими. Ведь для кого-то посылить узреть лишь оболочку, поверхностную и легкомысленную...

– Хорошо, хорошо, не надо больше, не надо, я понял... – взмолился Вищевский. – В общем, завтра приходите к десяти. Я буду только к вечеру, но будут все остальные сотрудники... Они вас введут в курс дела... разберетесь... Я вечером все проверю тогда...

– Большое спасибо, Эрнест Львович, – Макс горячо пожал ему руку, – завтра мы будем здесь без опозданий. Обязательно.

Прощание, к великой радости директора Вищевского, было недолгим, что позволило ему, наконец, устремиться к своему кабинету, во власть неизменно беспечального Вакха¹¹, не забывающего частенько преподносить завидные подарки, которые в последнее время Эрнесту Львовичу определенно приходились по душе.

Макс же, очутившись на улице, внезапно почувствовал себя персонажем, волею судьбы или в рамках эксперимента таинственного режиссера перемещенным в неизвестный фильм, из-за чего недавно знакомые улицы и дома становились похожими на нереальные, плохо проработанные, модели. Он неуклюже присел на единственную ступеньку галереи, обдуваемый свежим ветром, и вскоре ощущение полной разбитости стало вытесняться странной усталой радостью стайера, в изнеможении осилившего последние метры, утопающего, в последнюю минуту зацепившегося за проплывающий мимо баркас. Феня стоял рядом и озабоченно наблюдал.

– А ведь мы прошли первый тур, Феня, мы в игре, – засмеялся Макс. – Теперь все будет легче.

– Извините, можно пройти? – раздался сбоку голос.

– Конечно! – Макс подскочил и пропустил вышедшую из стеклянных дверей галереи девушку лет двадцати с красно-рыжими волосами, заплетенными в тугую косу, доходившую ей до пояса.

Девушка, одетая в прямое спортивное платье черного цвета и кроссовки, проворно обшарила содержимое своей небольшой разноцветной сумочки и пристально посмотрела на Макса:

– Сигарета будет?

– Нет... к сожалению... – озадаченно ответил Макс.

– Черт! – девушка взвизгнула и гневно захлопнула сумочку.

– Может, вам чем-то помочь?

– Ничем, спасибо, – юная незнакомка спустилась со ступеньки и бодро направилась в сторону метро.

На секунду застывший Макс спрыгнул на тротуар и крикнул вслед:

– А вы здесь работаете? Выставка же закрыта сегодня.

Девушка обернулась:

– Именно.

Макс пробежал вперед:

– И мы тут тоже работаем. С завтрашнего дня. И как тут?

– Дурдом.

– Почему?

– Потому что. Ладно, мне пора! – Хрупкая фигура, удаляющаяся быстрым нервным шагом, вскоре исчезла в толпе прохожих.

Феня, негромко постукивая тростью, с которой так и не смог расстаться в магазине аксессуаров, подошел к Макс, слегка прикоснувшись к руке.

– Да, Феня, – задумчиво произнес Макс, – похоже, в этой галерее все далеко не так просто.

Глава 5

Часы показывали уже пятнадцать минут второго, галерея была открыта более трех часов, однако особых посетителей в ней не наблюдалось. По широкому холлу, его коридорам и ответвлениям прогуливались лишь несколько студентов художественных училищ и пожилая пара, на лице которых отображалась явная скука.

Конечно, можно было бы списать это на будний день и всеобщую занятость, однако, по словам Елисея, одного из сотрудников данного заведения, такую ситуацию можно было лицезреть практически ежедневно – галерея переживала далеко не лучшие времена и была не в особой чести у художественного мира. Именитые художники и скульпторы заглядывали сюда редко, менее именитые особую публику не собирали, и выставки особым успехом не пользовались.

Елисей вообще оказался разговорчивым малым, хотя и не особо умел слушать других, но Макс воспринял это как плюс, помня о не самом впечатляющем разговоре с директором на тему дизайнеров Италии. Говорил Елисей довольно сбивчиво и нервно, зато из него можно было выудить много полезной и не очень информации.

В частности, выяснилось, что два года назад он с отличием окончил «сурок»¹², специализируясь на станковой живописи¹³. Столкнувшись с главной проблемой выпускников заведений подобного рода – проблемой трудоустройства, безудержный с юных лет романтизм стал в нем постепенно угасать, и главному вопросу «Что же делать дальше?» уже долгое время не находилось мало-мальски удовлетворительного ответа.

Найдя приют в галерее «Артекториум» в позиции младшего сотрудника, почти всю свою не особо внушительную зарплату он тратил на приобретение красок, холстов, кистей и прочих материалов. Все вечера, плавно переходящие в ночи, были посвящены написанию новых картин и отправке фотографий своих работ интернет-сайтам, но заинтересованные клиенты по-прежнему оставались редким явлением.

Кроме него в галерее обитало еще несколько сотрудников, и, судя по описаниям Елисея, получалось примерно следующее:

– Ефим Иосифович Кожедубов-Брюммер – историк искусств, доктор искусствоведения и автор научных статей, находился в галерее в должности аналитика по современному искусству, которое ненавидел больше всего на свете, считая большую часть его представителей примером вырождения таланта и отсутствия вкуса. В свои семьдесят восемь лет Ефим Иосифович был активным (иногда даже слишком) и очень принципиальным, поэтому всегда находил повод напомнить о своем мнении по любому вопросу, по делу и без дела, полностью оправдывая свою фамилию¹⁴.

– Лика Фионова появилась в команде совсем недавно – около девяти месяцев назад, и официально была помощницей галериста, но на практике выполняла огромную часть работы по сортировке писем и заявок от художников, заполнении документов и оформлении выставок. Она увлекалась древними языками и поэзией, много читала и часто выглядела пришлицей из другого мира – чересчур мечтательной, грустной, немногословной. О себе она не вдавалась в подробности и кроме ее интересов и диплома по специальности «Культурология» ничего особо известно не было.

– Эрнест Львович Вишцевский, с которым Макс и Феня уже успели познакомиться, был из семьи польских мигрантов и до двенадцати лет жил во Вроцлаве¹⁵. Получив образование в области менеджмента, он некоторое время занимался бизнесом в строительной сфере, но тяга к искусству, привитая с детства, в итоге взяла верх. После этого он полностью сосредоточился на арт-выставках и когда-то считался достаточно уважаемым и успешным галеристом. Сейчас

стал все чаще употреблять алкоголь, да и выглядел не лучшим образом, а в последнее время («где-то полгода, наверное», – уточнил Елисей) он стал особенно странным, и точная причина этого до сих пор оставалась тайной.

– Полина Вишцевская, и по совместительству – дочь директора (с ней Макс тоже оказался знаком: как он понял по суетливому описанию, это и была та девушка с длинной косой), преимущественно занималась вопросами по организации выставок и встреч с художниками и скульпторами. Она была немного взбалмошной и неусидчивой, но современное искусство (или его атмосфера) ее очень привлекало. Со своим отцом они никогда не были особо близки друг другу, но в последнее время их отношения становились все более напряженными.

Слушая все это, Макс периодически терял мысль, так как Елисей перескакивал с темы на тему и совершенно не мог рассказывать последовательно, перемежая свой рассказ о сотрудниках галереи восторженными возгласами о новых выставках и художниках, фамилии которых на каком-то этапе у Макса вообще перестали восприниматься.

Феня в это время стоял рядом и пристально рассматривал картину, на черном фоне которой была изображена приличных размеров розовая полусфера с бордовыми кольцами, вытягивающаяся в тонкое основание, похожее на воронку. На заднем плане парили еще около двадцати таких воронок, только меньших по размеру, образуя равносторонний треугольник.

Со стороны могло показаться, что полотно его заворожило, ведь Феня стоял без движения уже более двадцати минут, но Макс, мельком бросив взгляд, сразу понял, что его друг что-то пристально изучает, внимательно вглядываясь в каждый сантиметр картины.

– Очаровались бездарностью? – послышался со стороны скрипучий, хриплый, но довольно громкий голос, от которого Макс вздрогнул.

– Ефим Иосифович, вы опять... вдруг резко подобрались... – попытался выразить мысль Елисей, – напугали опять...

– Лучше бы вы, Елисей, так пугались тому, что висит на этих стенах, тогда, быть может, у искусства был бы хотя бы небольшой шанс. – Кожедубов-Брюммер подошел ближе, и Макс, наконец, смог его разглядеть – худощавый, невысокий старичок с густой белесой шевелюрой, несмотря на свой возраст, совершенно не походил на образ типичного пенсионера. В нем чувствовалась уверенность и властность, такими обычно изображают в исторических фильмах престарелых полководцев и завоевателей.

– Ефим Иосифович, ну не начинайте... пожалуйста. У нас вот сотрудники новые в галерее...

– Очень приятно с вами познакомиться, – вставил Макс, – много о вас слышан.

– Я тоже достаточно о вас слышан, парочка протеже Вишцевского здесь, конечно, были нужны, как глоток свежего воздуха. А я-то все ответа не находил, что же поможет вытащить нас с самого дна. Конечно же, вы двое.

– Ну, кто знает, у нас много талантов, – попытался разрядить обстановку Макс.

– Да, я, например, талантливый арт-критик, – Феня очнулся от внимательного созерцания и вспомнил старательно заученную фразу.

– Святые небеса, все еще хуже, чем я думал, – Кожедубов-Брюммер театрально поднял вверх руки и закатил глаза, – нас поглотила бездна.

– Знаете, при всем к вам уважении, – Елисей немного продвинулся вперед, – мы не находимся на самом дне... в смысле, может, и находимся, но не на самом. А чтобы не получилось, что мы уже на самом дне, тогда надо что-то сделать и привлечь посетителей...

– Перформанс какой-нибудь, – между делом вставил Макс, – актуально, свежо...

– Наилучший вариант, – перебил академик, – поменять вывеску на «Артекториум – галерея современного убожества». Тут уж мы точно никого не разочаруем. Даже самые взыскательные посетители с лихвой получают! Да взять хотя бы вот это, – Ефим Иосифович направил жилистый палец на картину с воронками, – это же позор!

– Между прочим, она продана почти за триста тысяч рублей... У меня бы за такие деньги кто-то хоть одну картину купил, – обиженно добавил Елисей, – я бы и воронки, и что угодно рисовал.

– Вот отсюда и все проблемы. Мир сошел с ума, – подытожил Кожедубов-Брюммер. – Как хлынули из фонтана¹⁶ на нас зловонные воды, так и барахтаемся мы в них до сих пор и не можем выплыть.

На этих словах Макс поймал себя на мысли, что определенно пора сменить тему разговора, который, мягко говоря, начинал двигаться в не очень приятном направлении, но, как назло, идеи, способные исправить ситуацию, категорически отказывались появляться на свет. Поэтому Макс решил спросить наобум:

– А как, кстати, она называется?

– Картина эта? – переспросил Елисей. – «Трансцендентная гипноплазия апостериори».

– Еще раз? – не понял Макс.

– А ты не знал разве? Да ладно! Правда, не знал?

– Наверное, пропустил...

– Ее же везде обсуждали... Художник молодой еще, ему двадцать один недавно исполнилось, Демьян Ле Бо. Он из России сам, из Самары, по-моему, но учится в Париже и выставляется и там, и здесь. Настоящее имя Демьян Хлебов. Его многие оценили уже, говорят, большой потенциал. Мы его выставку делали в прошлом году, она называлась «Монолог в душе Роршаха»... классное название, скажи? Как игра слов «душ» и «душа».

– Да, – неуверенно произнес Макс, – интересное словосочетание...

– Ну вот! А почему так выставка называлась – там реально душевая кабинка стояла, и черная тушь...

– Тушь?

– Ну да. Которой пишут. Роршах¹⁷ же пятна все делал, и здесь были пятна необычной формы, в виде птиц, животных, чудовищ, там и кабинка вся была в краске, и пол, очень эффектно было.

– Уборщица оценила, – заметил Кожедубов-Брюммер, – на улице даже ее восхищенные возгласы слышны были.

– Зато посетителей много было... Про эту картину недавно я статью видел, как раз про Демьяна писали, и там было сказано, что это гениальный ход... Говорят, что тут заложен глубокий смысл, споры идут, чем автор вдохновлялся, воронки вроде как внутренняя неустойчивость человека. Я точно не помню, что там написано было, длинная статья, но смысл такой. А картину, кстати, еще называют сокращенно «Гипноплазия»... И говорят, что скоро ее цена в разы возрастет, – Елисей запнулся, – о чем я? А вот... воронки... это бессознательные мысли, бесконечная спираль, что-то такое. А треугольник это вообще символ жизни, и получается, что в центре личность, а вокруг целый мир, но всем в итоге управляют подсознание и внутренние страхи... Только непонятно до конца, что обозначают кольца, и почему выбран именно розовый цвет для воронки. А сам Демьян ничего не комментирует, тайну нагоняет... и что именно там нарисовано, доподлинно неизвестно...

Феня, продолжавший рассматривать картину, наконец оторвался от нее и многозначительно посмотрел на Елисея:

– Это сортировка грибов.

– Каких грибов? – удивился Елисей.

– Это, – Феня указал пальцем на самую большую воронку, – гриб. Розовая волнушка. Я такие видел, они все розовые и в кольцах. Только их вымачивать сначала нужно, чтобы не горькие были, а то есть нельзя будет. И на картине много грибов нарисовано, потому что их собрали и разбирают, какие лучше солить потом, а какие выбросить. Просто треугольником сложили, чтобы красиво было, потому что это картина, а на картине надо, чтобы было красиво.

– Молодой человек, да у вас потенциал, – Ефим Иосифович горячо пожал Фене руку. – Наконец-то нашелся один-единственный человек из всех, кто смог бы так точно выразить суть этого полотна. Эта мысль вертелась у меня в голове, но все не могла материализоваться, и вот, наконец. Напомните, как вас зовут?

– Феня. Парфений.

– Парфений, мое уважение, – Ефим Иосифович потряс Фенину руку еще раз, – я бы с вами с удовольствием еще побеседовал.

– Он не особо разговорчивый, – решил подстраховаться Макс.

– Что прекрасно, многословие – признак пустомыслия.

– Да... это правильно... – Макс осторожно попытался придать себе весомости глубоко-мысленным кивком, чтобы хотя бы немного войти в доверие к Ефиму Иосифовичу, однако холодный взгляд профессора ясно выразил, что попытка оказалась не в числе удачных.

Начавшиеся было хаотичные размышления о том, что же еще можно предпринять, внезапно прервала громогласная фраза «Вот вы где!». Полина шла быстрым шагом, одетая в синее платье в горошек, украшенное белым кружевным воротником, на ходу поправляя выбившуюся из косы ленту и попутно что-то набирая в айфоне. Немного поодаль, потупившись, семенила Лика, невысокая девушка с тонкими чертами лица и светлыми, почти платинового цвета, волосами, стянутыми в короткий аккуратный хвостик. Широкое серое платье из плотной ткани было перевязано веревочным поясом, руки украшали узорчатые тканевые браслеты с мелкими бусинами – в целом выглядела она довольно мило, но немного отстраненно.

Пробежав еще несколько метров, Полина на ходу выкрикнула:

– Экзопулуса завтра днем привозят.

Тем временем успевший вернуться к созерцанию картины Феня, услышав знакомое слово, обернулся и внимательно посмотрел на девушку.

– Как завтра? – переспросил Елисей. – Его же в пятницу должны были доставить...

– А будет завтра. Мне Литтон... Фарнсуорт только что позвонил, сказал, что позвонит за час до приезда, а потом всю выставку будет контролировать лично.

– Но у него же не получится... Он же не каждый день тут будет... Или каждый? Мне что-то от его агента как-то не по себе, – признался Елисей, – не нравится он мне.

– Да ладно, он вполне себе милый, – Полина подождала несколько секунд и, слегка отдышавшись, продолжила, – с Феликсом, мне кажется, у нас побольше проблем будет.

– Почему?

– Не знаю... Он чересчур придирчивый, что ли. Месяца четыре назад, когда мы только обсуждали, какой должна быть экспозиция, он часа два объяснял, что на выставке должно создаваться ощущение смятения, такое самое начало конца, немного трэшевое, и плюс добавить индустриалки. Потом говорил про морские мотивы, силу стихии и все в этом духе, хотел облепить стены мхом. Потом говорил про древние мифы, древних богов и их пришествие. А вчера сказал, что жаждет идеала.

Все промолчали.

– Я, наверное, не понял... Идеала в чем? – решил уточнить Елисей.

– Во всем. Объединить все идеи, и раз пятнадцать повторил, что решит на месте, как все будет выглядеть в итоге.

– А что было с его предыдущими выставками? – настороженно поинтересовался Макс.

– В том то все и дело, он их делает совершенно разными, каждый раз меняет оформление, они же еще ни разу не повторялись.

– Ага... Он так и делает... Может... в этом и есть... секрет его успеха? – на этой фразе в голосе Елисея отчетливо зазвучали легкие нотки ревности.

– Может быть, но суть не в этом, – слегка растерянно произнесла Полина, – я общалась со многими художниками. И понимаю, конечно, что они люди далеко не простые, самобытные,

но... почему-то у меня сложилось ощущение, что Феликс сам не до конца понимает, чего хочет. Хотя, – Полина внезапно снова взяла себя в руки и постучала мизинцем по экрану айфона, – в принципе, это не наше дело, наша задача – провести успешную выставку, которая заинтересует посетителей. Остальное нас не должно волновать, займемся лучше оформлением зала.

– Только без меня, – категорично заявил Кожедубов-Брюммер и неспешным шагом отправился куда-то вглубь. За ним же упорхнула и Лика, сославшись на большое количество дел и внезапную головную боль.

Оставшимися участниками дискуссии было принято решение «срочно начинать доделывать». Макс, конечно, совершенно не представлял, что именно означает эта фраза, которую Елисей нервно повторил несколько раз, но нашел, что участие в такой далеко не стандартной миссии являлось неплохой идеей, ибо давало возможность им с Феней ближе познакомиться со своими новыми коллегами. И уже спустя несколько секунд по широким белым плиткам, залитым светом, заспешили еще две фигуры, уверенно следуя по маршруту девушки с огненной косой.

Глава 6

Утро среды встретило город хмурым и неприветливым настроением. Мелкий моросящий дождь обволакивал улицы, витрины и деревья. Холодные, скользкие капли, подгоняемые нечастыми резкими порывами ветра, пронизывали насквозь, проникали сквозь одежду, метко заползали под верные зонтики, стойко и самоотверженно пытавшиеся защитить своих хозяев. Небо плотным пологом закрыли смурые тучи, высокомерные и сдержанные, настойчиво подчеркивающие скорый визит осени.

На дороге выстроилась плотная вереница машин, угодившая в самодельный капкан пробки, вдоль которой сновали сердитые пешеходы, спешащие на работу – обычная, рутинная картина, которой так славятся почтенные поселения, гордо именующие себя мегаполисами.

Невысокое здание галереи вполне вписывалось в окружающий пейзаж – светлая постройка, заметно потускневшая от дождя, выглядела скромно, тихо и сдержанно. Все нововведения последнего времени – акриловые буквы, стеклянные витрины, яркие вывески – сгладились, смягчились за пеленой непогоды, поблекли, словно сойдя с картин Антуана Бланшара¹⁸, окутывая мягким умиротворением. Но за этими стенами не было и капли покоя, все было пропитано растерянностью и волнением, нервно сверялись часы, и все разговоры сводились к теме внезапного прибытия Феликса и вожаемого полотна.

– Мне кажется, он не придет, – именно такими словами Макса и Феню встретила Полина, как только они переступили порог «Артекториума».

– Кто... Феликс? – пробормотал Макс.

– Да нет же... папа... в смысле, Эрнест Львович, – Полина раздраженно потерла правый глаз, не выпуская телефон из рук. – Вчера написал по WhatsApp'у, чтобы его не ждали. Сегодня я ему дозвониться не могу с самого утра. Ему просто все равно. Не так, как раньше.

– Ты о чем?

– Ни о чем. Сами справимся. – Полина вздернула голову и посмотрела на Макса упрямым взглядом. – Феликс с агентом придет часам к пяти. С ними будет и кортеж с полотнами. Мы их встретим, распределим картины по залу, а потом займемся корректировками, которые Феликс захочет внести в оформление. Идите пока к Елисею, он в восточном зале, объяснит, что нужно делать.

Макс только успел кивнуть, так как внутренняя несобранность и дикое желание спать неизмеримо мешали поддерживать легкий светский настрой, но Полина этого уже не видела. Ловко обогнув разукрашенный стенд, она убежала куда-то по направлению к кабинетам. Постояв несколько секунд на месте, Феня неуклюже потрепал друга за плечо в знак поддержки, и, собравшись с духом, Макс все же направился в сторону нужного зала.

«Экзопулус вздымает волны». «Экзопулус»... будет здесь сегодня вечером. Тайная миссия стала слишком близкой, предстала гигантом, исполином, тяжелой и почти невыполнимой задачей, неизбежной и неотвратимой. Об этом, кстати, напомнил ему майор Грозов, позвонивший около двух часов ночи по неизвестному номеру и безапелляционным тоном напомнивший о своем присутствии, после чего сонное состояние испарилось напрочь и стало напоминать о себе только сейчас.

Хотя забыть о Панфиле Панфиловиче в любом случае было бы непросто. Почти так же, как и осознавать полное отсутствие плана, а фраза «действовать по обстоятельствам» ничуть не вносила ясности и определенно вселяла сомнения.

Дальнейшие раздумья, пронизанные тонкими метафорами истерзанной души, продолжения не получили, так как буквально ниоткуда на Макса вылетел Елисей. Громко поприветствовав своих собратьев по миру искусства, он затащил всех в крохотную полупустую комнату без окон, о существовании которой в галерее вспоминалось редко, и усадил на большой ста-

рый диван, примостившийся в углу в окружении кипы нераспечатанных коробок неизвестного назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.